ПРОБЛЕМАТИКА СВОЕГО И ЧУЖОГО, РЕАЛЬНОСТИ И ФАНТАЗИЙ В ТРАГЕДИЯХ СОФОКЛА

А. А. Атанов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

29 октября 2018 г.

Дата принятия к печати

9 ноября 2018 г.

Дата онлайн-размещения

27 декабря 2018 г.

Ключевые слова

Эдип; пространство; время;

события; судьба; фатум;

античность; трагедия

Аннотация

Автор статьи исследует трагедии Софокла «Царь Эдип», «Эдип в Колоне», «Антигона» в контексте предельно общих структур: чужой, свой, пространство, время, судьба, рок. Событийный ряд трагедий анализируется посредством включения его в принцип реальности, в результате создаются смысловые последовательности нескольких порядков, которые выражаются в конкретных структурах мыслительной деятельности, в частности в анализе и синтезе. Трагедии Софокла создают соответствующее место в пространстве культуры, которое может быть наполнено различным содержанием. Развитием идей Софокла являются пьесы У. Шекспира, Ж.-П. Сартра и многих других авторов.

PROBLEM OF THE 'SELF' AND 'THE OTHER', REALITY AND FANTASY IN SOPHOCLES' TRAGEDIES

Andrei A. Atanov

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

October 29, 2018

Accepted

November 9, 2018

Available online

December 27, 2018

Keywords

Oedipus; space; time; events;

destiny; fate; antiquity; tragedy

Abstract

The article is devoted to studying Sophocles tragedies, such as «Oedipus the King», «Oedipus at Colonus» and «Antigone» in the context of extremely general structures: the 'other', the 'self', space, time, destiny, fate. The event line of the tragedies is analyzed by including it in the principle of reality and as a result different sense sequences are created and expressed in certain structures of mental activity, particularly through analysis and synthesis. Sophocles' tragedies create a relevant place in the space of culture, which can be filled with different content. The ideas of Sophocles were developed in the plays of William Shakespeare, Jean-Paul Sartre and many other authors.

Проблемное поле нашей статьи построено на двойственном основании:

1. В исследовании мы опираемся на принцип реальности.

2. Используется методология дихотомического подхода, фиксируемого в структуре исследований в контексте объектных отношений.

Результатом исследования оказывается оформленная возможность создать модель смысла, переведенную в основание объектных отношений, рассматриваемых нами

через пространство и время, взятые в их конкретной объективной данности и лишь затем связанные с опытом субъекта.

Ницше заметил поразительную вещь: «Какое значение имеет именно у греков лучшего, сильнейшего, храбрейшего времени трагический миф? И чудовищный феномен дионисического начала? И то, что из него родилось, — трагедия? — А затем: то, что убило трагедию, сократизм морали, диалектика, довольство и радость теоретического человека — как? не мог ли быть именно этот

сократизм знаком падения, усталости, заблуждения, анархически распадающихся инстинктов? И «греческая веселость» позднейшего эллинизма — лишь вечерней зарей? Эпикурова воля, направленная против пессимизма, — лишь предосторожность страдающего?» [1, с. 49]. Далее возникает новое качество мышления Сократа: «...мышление, руководимое законом причинности, может проникнуть в глубочайшие бездны бытия, и что это мышление не только может познать бытие, но даже и исправить его» [там же, с. 114]. В истории мысли сохранился образ умирающего Сократа, который сопровождает принятие яда логическими рассуждениями, позволяющими победить страх смерти. Но победить страх смерти, воздействуя на страх, невозможно. Страх смерти исчезает не после рассуждений о страхе смерти, а после рассуждений, основанных на факте признания смерти. Дело заключается не в логике рассуждений, оно зависит от того, в каком состоянии и исходя из фиксации какого места осуществляются рассуждения. Заглядывая в себя, мы можем создать рациональную или иррациональную последовательность событий, но событиям нет дела до наших последовательностей, последовательности ценны только для нас, позволяя уменьшить влияние неожиданного через факт признания того, что это неожиданное и принципиально иное существует. Есть мысль Эйнштейна о том, что два элемента предельно широко представлены в природе — это водород и человеческая глупость.

Для человека самая сложная для постижения тема — тема его собственной глупости. Именно в глупости таится неприятие реальности, недоговоренности, театральные представления с участием одного актера — себя любимого. Помню, в детстве меня потряс И. С. Тургенев с его сентенцией по поводу отца главной героини «Первой любви» — он был образован, но глуп [2]. Второе потрясение случилось в зрелом возрасте, когда один из моих знакомых прочел «Идиота» Ф. М. Достоевского [3] и сказал по поводу главного героя романа: «А ведь он действительно идиот, и Достоевский знал, что делал, когда так называл свой роман». Отечественная литература дает большое количество примеров глупцов. Симпатичных, но глупых. Мечущихся и страдающих. Глупых не из-за глупости, а из-за нежелания воспринимать реальность как таковую [4].

Наша статья опирается на античные трагедии, которые позволяют пронаблюдать и проанализировать реальность. Лучше иметь

опыт трагического мышления, основанный на восприятии трагедии как произведения, чем сделать трагедией собственную жизнь, перенося внутренние обстоятельства жизни во внешний мир. Для анализа мы выбрали трагедии Софокла «Эдип», «Эдип в Колоне», «Антигона» [5]. Чтобы качественно провести анализ и познакомить читателя с сюжетом трагедий, изложим последовательность событий, которую описывает Софокл, исходя как из его трагедий, так и из античных источников, позволяющих понять некоторые малознакомые для нас реалии.

Тантал, сын Зевса, чтобы испытать всеведение богов, подает им приготовленное мясо своего сына Пелопса. Боги возвращают Пелопса к жизни. Тантала отправляют в Аид, где он подвергается танталовым мукам: он не может удовлетворить жажду, хотя стоит по шею в воде, и не может утолить голод, хотя к нему склоняются ветви деревьев, отягощенных плодами. Стоит Танталу наклониться к воде — она отступает, стоит протянуть руки к плодам — ветви деревьев взмывают ввысь.

Пелопс отправляется в Элиду, где сватается к дочери царя Эномая Гипподамии. Эномай предлагает Пелопсу принять участие в заезде колесниц. Пелопс сговаривается с возничим Эномая Миртилом, пообещав ему половину Элиды и ночь с Гипподамией, и Миртил вставляет восковую чеку в колесницу Эномая, что становится причиной его гибели во время состязаний. Пелопс сталкивает Миртила со скалы в море, тот, падая, проклинает Пелопса и его род. Пелопс является прадедом Тесея, афинского царя, который станет свидетелем смерти Эдипа.

Лай, отец Эдипа, приглашенный Пелопсом на празднество, похищает сына Пелопса Хрисиппа и насилует его, Хрисипп оканчивает жизнь самоубийством. Пелопс проклинает Лая и весь его род, он умоляет Аполлона послать Лаю смерть от руки его собственного сына. Лай женится на Иокасте, но их брак бездетен. Лай едет в Дельфы, где оракул предсказывает ему, что он примет смерть от руки собственного сына. Когда ребенок родился, Лай повелел Иокасте проколоть сухожилия на ногах ребенка и бросить его на склоне горы. Царица приказала пастуху сделать это, но пастух сжалился над младенцем и отдал его пастуху коринфского царя Полиба. У Полиба и его жены Меропы не было детей. Они усыновили мальчика и дали ему имя Эдип (что означает «опухшие ноги» или, по другой версии перевода, «толстые ноги»).

Когда мальчик вырос, однажды во время пира один из его друзей назвал его подкидышем. Эдип стал выспрашивать о своем рождении у Полиба и Меропы, но они клялись, что он их сын, однако у Эдипа остались сомнения (или он искусственно нагнетает эти сомнения). Эдип отправляется в Дельфы к оракулу, где узнает, что убьет отца и женится на матери. От нее у него родятся дети, которые будут глубоко несчастными. Оракул предупреждает Эдипа, что в конце жизни он получит «место отдохновения», где обретет свой последний приют среди Страшных богинь и сможет даровать благословение принимавшим его и проклянет изгонявших его. Эдип в ужасе, он понимает, что не может вернуться в Коринф.

Гера, мстя за растление Хрисиппа, насылает на Фивы женщину-чудовище Сфинкс, которая погубила множество жителей города, не сумевших разгадать ее загадки. Лай отправляется в Дельфы, чтобы узнать от оракула, как избавиться от Сфинкса. На пути из Дельф Эдип сталкивается со стариком, путешествующим на колеснице в сопровождении глашатая и трех слуг, — это и есть Лай, который едет за предсказанием. Глашатай ударил Эдипа, тот ответил ему тем же, старик вмешивается в драку и наносит Эдипу удар скипетром. Эдип убивает старика и троих из его свиты, один из свиты спасается бегством. Эдип приходит в Фивы и отгадывает загадку Сфинкса, убивает ее, женится на вдове Лая Иокасте и начинает царствовать в Фивах. У него рождается два сына и две дочери. Через 20 лет моровая язва приходит в Фивы (sic! через 20 лет!). Эдип отправляет Креонта, брата Иокасты, в Дельфы (интересный выбор, особенно с учетом того, что Креонт станет царем Фив после Эдипа). Креонт возвращается и сообщает, что Аполлон повелел очистить фиванскую землю от скверны, вызванной тем, что убийство Лая осталось неотомщенным. Эдип объявляет себя чужим (обратим на это внимание, потому что тема чуждости будет присутствовать во всей дальнейшей истории Эдипа, здесь эта тема зазвучала в первый раз) в этой истории, проклинает убийцу Лая и объявляет его вне закона (т. е. сам на себя, кроме ответственности за убийство, о котором он не знает, Эдип налагает проклятие).

Эдип посылает за слепым пророком Тиресием, который в конце концов открывает Эдипу правду (или «правду»). Эдип обвиняет Креонта и Тиресия в предательстве, но последний говорит, что Эдип слеп, и предсказывает ему слепоту, изгнание, унижение.

Иокаста сообщает: Лаю было предсказано, что он будет убит сыном, но поскольку он был убит грабителем на дороге, то предсказание недостоверно. Доходят известия из Коринфа, что царь Полиб умер и Эдип выбран его преемником. Вестник открывает, что Эдип усыновлен Полибом и Меропой и что он тот самый пастух, взявший Эдипа у фиванского пастуха и передавший младенца Полибу. Эдип посылает за фиванским пастухом, и тот подтверждает все сказанное вестником из Коринфа, из чего следует, что Эдип виновен в кровосмешении и отцеубийстве. Иокаста вешается в спальне, а Эдип ослепляет себя, используя заколки Иокасты.

Эдип умоляет Креонта изгнать его из Фив, чтобы не осквернять места, тот заявляет, что нужно спросить у оракула, но затем, не дожидаясь ответа оракула, изгоняет Эдипа. Начинается период его изгнания, продлившийся 20 лет, все время которого его сопровождает дочь Антигона. Сыновья Эдипа не возражают против его изгнания, так как сами стремятся к власти над царством, но правителем Фив оказывается и все последующие 20 лет остается Креонт.

Полиник, старший сын Эдипа, изгнан из Фив своим младшим братом Этеоклом. Полиник женится на дочери аргосского царя и начинает собирать войско для похода на Фивы. Фиванцы обращаются к оракулу, который заявляет, что их благополучие полностью зависит от Эдипа и его жизни и смерти.

Эдип узнает в роще Эвменид (находящейся на территории Аттики) тот приют, который был обещан ему оракулом. Дочь Эдипа Исмена приезжает к нему и сообщает о соперничестве между его сыновьями и о новом предсказании. Эдип осознает значимость своего погребения. Он понимает, что фиванцы хотели бы иметь его на своей стороне, но не на своей земле, поскольку кровь убитого им отца ее осквернит. С другой стороны, если его погребение не освящено, то оно становится им проклятием, поэтому после его смерти им нужно получить покровительство его могилы. Эдип должен совершить искупительный обряд Эвменидам. (Слово «Эвмениды» переводится с греческого как «добрые», но это эвфемизм. На самом деле это три Эринии по именам Тисифона, Алекто и Мегера. Они старше всех остальных обитателей Олимпа. В их обязанности входит выслушивать жалобы смертных о непочитании младшими старших, детьми родителей, хозяевами гостей или об унижении владельцами имений или городскими властями тех, кто обратился к ним за помощью. Виновных в этих

преступлениях Эринии преследуют, не давая им перевести дух или отдохнуть. Эринии — старухи со змеями вместо волос, собачьими головами, черными телами, крыльями, как у летучих мышей, и налитыми кровью глазами. В руках они держат усеянные бронзовыми гвоздями плети, их жертвы умирают мучительной смертью.)

Из Афин прибывает Тесей, правнук Пелопса. Эдип умоляет его позволить быть похороненным вблизи рощи Эвменид, обещая за это благословение и Тесею, и Афинам. Благословение будет решающим в будущем противоборстве с Фивами. Тесей дарит Эдипу афинское гражданство (т. е. он не боится никакого проклятия, связанного с Эдипом) и отправляется совершать жертвоприношение Посейдону. В это время появляется Креонт с воинами и слугами и берет в заложники Исмену (Эдип об этом не знает). Креонт пытается убедить Эдипа вернуться в Фивы. Эдип проклинает Фивы. После этого слуги Креонта забирают и Антигону. Эдип проклинает Креонта, пожелав, чтобы ему и его потомству была послана такая же старость, как Эдипу.

Возвращается Тесей, освобождает обеих девушек и отправляет Креонта. Полиник, старший сын Эдипа, с войском собираются возле Фив. Он узнает, что победа достанется тому, на чьей стороне будет Эдип. Полиник скрывает свою личность и отправляется молиться Посейдону в Аттику. Антигона узнает Полиника и умоляет Эдипа встать на его сторону, но Эдип проклинает обоих сыновей — каждый из них умрет от руки другого брата. Полиник просит сестер почтить его похоронным обрядом, когда он умрет, и возвращается к осаде. Эдип обещает Тесею открыть будущее Афин, тогда Афины будут в безопасности от фиванцев, сыновей дракона.

Эдип просит Тесея последовать за ним к его тайной священной могиле. Эдип отпускает дочерей, остается на короткое время с Тесеем и исчезает. Антигона говорит, что что-то невидимое и чужое подхватило его и унесло в незримое пространство. Он закончил жизнь так, как желал, приняв смерть среди чужих и в чужой стране.

Участники похода на Фивы терпят поражение, и сыновья Эдипа убивают друг друга. Креонт запрещает проводить погребальные обряды над телом Полиника. Антигона хоронит Полиника, ее схватывают и приводят к Креонту. Он приказывает замуровать ее в каменный склеп, дав ей пищу, чтобы не запятнать себя убийством. Тело Полиника откапывают. Тиресий объявляет Креонту, что

гадание на птицах было несчастливым, все алтари осквернены мертвечиной, останками тела Полиника, которые разнесли птицы и собаки. Боги больше не принимают от фиванцев ни молитв, ни приношений, ни жертвенного пламени. Тиресий умоляет Креонта уступить мертвым и не убивать их во второй раз. Креонт упорствует, ссылаясь на то, что не властен смертный бога осквернить. Тиресий обвиняет Креонта в том, что он заключил в могилу душу, принадлежащую верхнему (горнему) миру, и при этом оставил наверху непогребенный и непочтенный труп, перепутав горний и дольний миры, лишив дольных богов их доли и оскорбив горних. Эринии Аида и горние боги отомстят ему за преступления. Тиресий предсказывает, что Креонт заплатит трупом собственного сына за те два трупа. Креонт спешит похоронить Полиника и освободить Антигону, но Антигона повесилась в склепе, а ее жених, сын Креонта Гемон, убивает себя мечом на глазах отца. Евридика, жена Креонта, убивает себя перед алтарем. Хор подводит итоги, что никто из смертных не способен избежать назначенной ему беды. «Чем выше роль традиций, обычаев, тем процесс формирования правовых норм в большей степени зависит от религиозного воздействия» [6].

В этой истории есть множество смысловых единиц, абсолютно неоднозначных в истолковании:

1. Сама последовательность событий, насколько она рациональна и позволяет выделять логические последовательности.
2. Отношение героев к происходящим событиям.
3. Чувства героев, которые тоже образуют структуру реальности.
4. Хронотоп событий.

Начнем с последовательности. Можно выстроить ее вокруг классического вопроса: кому это выгодно? Если мы исходим из посыла выгоды, то, очевидно, Эдипу было выгодно объединить под своей властью Фивы и Коринф, но, видимо, у кого-то была своя собственная игра и собственный взгляд на тему объединения и совместной судьбы двух царств — Фив и Коринфа. Интересы Креонта в трагедии обозначены очень четко. Он в результате получает власть над Фивами, причем здесь весьма странная преемственность наследования и передачи власти — он брат царицы, не родственник Лая, но становится повелителем Фив. Такой способ передачи власти или ее получения весьма странный для патриархального общества, нарушена система передачи власти — не определено

наследие, не определены выборщики, не определен механизм передачи власти.

Далее, очевидно, что вопреки воле царя Коринфа и выборщиков власть над Коринфом досталась кому-то, кому история с Эдипом (убийство отца, кровосмешение, проклятие) очень выгодна. Напомним, что у Эдипа в Фивах все было в порядке на протяжении 20 лет, проблема (отцеубийства и инцеста) оформляется только после смерти царя Полиба и законного избрания Эдипа коринфским царем. Проблемы Эдипа выгодны тому или тем, кто не может получить власть над Коринфом законным путем. Непонятна роль Тесея, который получает все выгоды от смерти Эдипа, будучи последним, кто видел Эдипа живым. Непонятно, почему Эдип проникается внезапной симпатией к Тесею и полной антипатией к своим сыновьям. В чем причина? Почему возвеличивается роль Аттики? Почему тело Эдипа не найдено? Если Эдип чужой самому себе, значит, он вдвойне чужой нам или же он предельно близок нам. Чуждость отрицается чуждостью или усиливается ею же. Что нам остается для выбора и есть ли вообще выбор? Когда Эдип проклинает убийцу Лая, т. е. самого себя, в смысловом плане это означает, что он здесь чужой — не имеющий отношения к данному пространству.

Неясно, откуда взялся коринфский вестник, он же, «совершенно неожиданно», и бывший коринфский пастух, помнящий фиванского пастуха. Напомним, что единственный свидетель, подлинно могущий опознать пастуха, — Иокаста, закончившая жизнь самоубийством. По минимальным временным расчетам, с момента приказа Лая прошло 38 лет, но никто не умер, все всё помнят или, более точно, волшебным образом вспомнили после поездки Креонта в Дельфы. Какое предсказание в действительности получил Креонт и в чем его действительный смысл, непонятно. Единственно «достоверная» информация — это слова на пиру, где присутствовал Эдип, про подкидыша. Если история усыновления Эдипа была столь открыта, почему ее не рассказали раньше? Почему не опознает Эдипа единственный выживший слуга Лая? По какой причине Иокаста весьма быстро выходит замуж? Сообщили о смерти мужа, сообщил слуга, Эдип назван грабителем. Явно есть описание внешности грабителя и убийцы царя Лая. Когда Эдип оказывается в городе без царя, которого убил грабитель, возникает вопрос: что, идентифицировать убитых им людей с царем и его свитой никак невозможно? У царя и его слуг,

судя по всему, нет внешности, нет одежды, нет особых примет, нет личных вещей, их никто не ищет, описание их не разослано. Фактически, пропал царь большого города, связать его с убитым им стариком Эдип не может. Много ли в то время странствует стариков на колеснице с глашатаем и тремя слугами, один из которых жив? Иокаста очень быстро выходит замуж после убийства Сфинкс — тоже женщины. Но Сфинкс рассматривали и как богиню города. Явно что-то не то! «Избыточность информации, передаваемой в единицу времени, как и нарушение логики доказательств, являются известными манипуляционными приемами, снижающими критичность при восприятии информации, формирующими бессознательную готовность к провоцируемому медиатекстом типу поведения» [7].

Потрясает глубина отчаяния Эдипа. Кто-то верно определил его слабые стороны, предельно точно и дозированно подкидывая информацию, а затем информационно перегрузил — проект длился более 30 лет и погубил наследника престола Коринфа. Дело не в Фивах. У Эдипа все было хорошо, пока он 20 лет правил Фивами, но стоило ему стать царем Коринфа, у него тут же начались неприятности. Моровая язва (обычная проблема того времени) волшебным способом превратилась в его личную трагедию, причем через 20 лет. Коринф выпадает из поля зрения и Софокла, и читателей трагедии. Все действия концентрируются вокруг Фив. А источник метаморфоз скрыт. Лай, отец Эдипа, похищает Хрисиппа, сына Пелопса, т. е. двоюродного деда Тесея. Думаем, естественно, что Тесей должен почитать Эдипа, который в жесточайшей форме послужил орудием его мести. Напомним еще один факт: Лай — сын Лабдака, которого растерзали менады, так как он препятствовал распространению культа Диониса. Пелопс — царь Элиды. Лабдак воевал с Афинами и потерпел поражение. Всё это звенья одной цепи, где постоянно присутствует тема Афин, которые хотят избавиться от конкурирующих с ними Фив.

Отношение героев к происходящим событиям весьма специфично — они везде усматривают волю богов. Более того, герои сами толкуют волю богов и понимают все смыслы! По меньшей мере это мания величия. Все предельно однозначно и героям совершенно все понятно. Но если мы вспомним, что дельфийский оракул славился именно темнотой и неоднозначностью своих предсказаний, возникает ряд вопросов.

Посмотрим на чувства героев. Базовое для Эдипа чувство — это чувство вины, разрушение, обращенное к себе и направленное на себя, связанное с ошибкой и незнанием. Кроме того, в отношении сыновей он испытывает ненависть, ненавидит он и Фивы. Внезапная любовь к Аттике и получение афинского гражданства — звенья одной цепи. Главный герой — как ходячая мина замедленного действия: неизвестно, по какой причине она рванет. В нем гремучая смесь агрессии и ненависти, что весьма специфично характеризует Эдипа как героя действия, который может совершать абсолютно неадекватные поступки.

Хронотоп событий сбит. Антигона добровольно следует за Эдипом в изгнание, следовательно, ей не менее 13–15 лет, скитания продолжаются 20 лет — ей около 35, она называется молодой девушкой. События то растянуты, то сжимаются буквально до нескольких секунд. Проклятие то действует моментально, то откладывается на 20 лет, события постоянно создают иной временной контекст, единого времени нет — есть совокупность событий. Великолепно помнятся события 40-летней давности, но в текущем временном срезе постоянно происходит смешение событий. Царь убит — следствия нет, идет отсылка, что это из-за Сфинкса, но Сфинкс мертв, по времени почти сразу же за Лаем. Свидетель не узнает Эдипа, почти сразу пришедшего в Фивы. Царица, которая могла опознать пастухов и связать (или не связать) их показания, умирает. Все ждут много лет и внезапно начинают воспроизводить предельно точные и однозначные показания. Великолепная память и великолепное знание деталей, причем деталей совершенно однозначных событий, где главный эксперт — слепой (!) Тиресий.

Вернемся к тому, что Эдип чужак. Тема чужака связана с темой пространства. Если мы характеризуем пространство как существующее (объективное) и как описываемое в литературе, поэзии, науке и мифе, то пространство разворачивается как широкое, открытое, свободное. Возникает парадоксальное описание пространства в контексте человеческого опыта: оно не просто свободное, оно вольное, и тогда собирание пространства как реальности, существующей для героя, может осуществить только воля героя, или же это не происходит [8].

Тема пространства для человека может быть определена только в том случае, когда внутренняя структура человека может воспринимать пространственную опреде-

ленность. Исследования мифопоэтического пространства, проведенные В. Н. Топоровым, говорят о расчлененности пространства [9], т. е. оно состоит из частей, для которых общим основанием оказывается составность пространства. Если мы исходим из оснований расчлененности и составности пространства, то у нас оформляется тема логических операций, которые мы можем проводить, опираясь на свой пространственный опыт в системе его смысловой реконструкции. Говоря другими словами, мы можем создать первичную логическую систему, которая может оформить теоретические представления: операции членения — анализ, операции соединения — синтез, т. е. опыт внутреннего усваивания и понимания пространства порождает возможности для становления логических операций, которые могут быть оформлены только как соотношенные с пространством. В системе анализа реальности произведения или его данности мы можем отследить, на какие логические операнды опирается герой произведения, чтобы понять и оценить характер пространства не как такового, а такого, какое оно есть в представлениях героя. Из этого анализа следует, что мы вводим объективные характеристики, позволяющие оценить, насколько объективен характер мышления того или иного человека (в нашем контексте — героя произведения).

Если мы будем фиксировать в нашем исследовании структуру данности пространства, то распад мира символически может быть описан как расчленение жертвы, в нашем случае — героя; составление (собираание пространства) происходит через собирание воедино расчлененной ранее жертвы. Вспомним классические трагедии — все они выстраиваются вокруг образа расчлененного Диониса. Звучит эта тема (разделения и соединения) и в философском знании, когда, например, у Эмпедокла мы читаем о дружбе и вражде элементов [10], т. е. логика и ее теоретическое оформление невозможны без определенных представлений о пространстве. В методологическом плане у нас появляется ценнейший материал, который позволяет через абсолютно объективные характеристики пространства взглянуть на внутренний мир героев. Через пространственную выраженность мы можем считать (определить) характер отношений героев, если мы четко прописываем пространственную структуру их взаимодействий.

Для анализа положения Эдипа мы можем остаться в пространстве трагедии как подлинного смысла, пространстве, которое мы

можем понимать как форму описания в буквальном соответствии с тем, как рассказана история Эдипа.

Есть тема отношений Эдипа с его детьми, которые одновременно его братья и сестры. Есть тема отношений с женой, которая одновременно и его мать. Есть тема отношений с Креонтом, который одновременно его дядя и шурин. То есть в едином времени события объединены в разные пространственные структуры, структуры, которые расчленены, поэтому если мы убираем объединяющий эти структуры компонент — Эдипа, то нам кажется, что мы объединяем пространство, но для этого Эдип должен стать жертвой, части которой мы соберем. Первичное действие он проделывает сам, указывая на то, что он чужак и все пространство для него чуждо. По сути, это означает неумение проводить логические операции синтеза и анализа, которые становятся возможными для человека только в том случае, когда у него внутри, хотя бы на уровне представлений, начинает разворачиваться пространство и видение вещей в их истинном свете.

У Эдипа это невозможно из-за его полной поглощенности самим собой. Мышление невозможно, пространство невозможно, отсюда невозможна и позиция наблюдателя — возможность взглянуть на себя со стороны, взглянуть на внешний мир, отсюда и буквальный отказ от зрения — Эдип слеп. До ослепления, если бы его переживания были направлены на собственную неспособность видеть и признание этой неспособности (зачем еще усиливать эту неспособность), оформилась бы другая реальность. Если бы я признал физическую неспособность адекватно воспринимать пространство, его структура в моих представлениях изменилась бы (я признаю, что не понимаю или не воспринимаю), тем самым я признал бы отсутствие своей важнейшей части — умения воспринимать отличное от меня. В случае Эдипа происходит утрированное подтверждение отсутствия этой части (умения воспринимать пространство и его структуру). Лишая себя зрения, Эдип уничтожает всякую возможность обретения этого качества, физически уничтожая любые возможности, связанные с реализацией качества. Поэтому единственно допустимым миром оказывается мир страданий (мир полной поглощенности собой без всякой возможности воспринять другое, классический мир — расчлененной жертвы; по сути, воспроизводится миф о Дионисе).

У Эдипа это мир Эриний, причем в предельном варианте — Эринии гнали своих

жертв, здесь же Эдип приходит в точку замирания, отсутствия движения, отсутствия перемещения; он пришел в точку существования Эриний, лишив себя любого маневра. Господствует полный фатум, причем фатум выбора, а ему нужно очиститься от крови, случайно совершенного убийства, ему не нужно платить за кровосмешение, т. е. Эдип выбирает наказание, превосходящее то, что могут наложить на него боги (высшая степень гордыни), его тело исчезает и не может быть собрано, так же как не может быть найдена его могила. Все это связалось с совершенно другим пространством, куда и стремился чужак Эдип.

Данное пространство находится за пределами человеческого. Антигона, его дочь, говорит: «Что-то невидимое и чужое подхватило его и унесло в незримое пространство». Обратим внимание на коррелят пространства — незримое. Идет дальнейшее уточнение: «Какой смертью он погиб, не сможет сказать никто из смертных, кроме Тесея». Напомним, бонус Тесея от гибели Эдипа — это благословение Афин и его лично, что может говорить о личной заинтересованности Тесея в смерти Эдипа. Эдип приглашает Тесея к его «тайной священной могиле, к которой его поведет Гермес-вожатый и богиня мертвых». Обратим внимание, что *живого* ведет *богиня мертвых* и *Гермес*, который провожает души умерших.

Да и сам Эдип далеко не так прост, когда настаивает, чтобы его похоронили в роще Эвменид. Он говорит: «Тогда мое усопшее, похороненное тело, холодное от смерти... будет пить их кровь, если Зевс — это Зевс, и истинно Фебово слово». Занятный поворот: Эдип будет пить кровь у Эриний, т. е. благодаря особому месту и ритуалу похорон Эдип должен превратиться в вампира, питающегося кровью богинь отмщения. Весьма интересная метаморфоза и весьма интересное пространство! Идеальное место для ненавистника, победившего судьбу, но не признавшего свою ненависть. Тогда, может быть, это объясняет многое? И у нас появляется еще один дополнительный смысл?

Аполлон, кроме других эпитетов, называется Локсием, что с древнегреческого языка на русский переводится как «смутный», «двусмысленный». Иначе говоря, постижение знания, связанного с Аполлоном, требует усилий для его понимания и интерпретации, также это знание может оказаться совсем непостижимым, что чаще всего и происходит. Эдип исходит из установки, что он понял все и знает все. Но тогда у нас воз-

никает ситуация множественного понимания: один случай, когда Эдип действительно понял все; когда он совсем не понял; когда он понял частично. Тогда у нас появляется по меньшей мере три различных истории. Каждая по-своему будет характеризовать нашего главного героя.

Обратим внимание на слова Тиресия: «Ты имеешь глаза, но не видишь, где твой грех, ни где живешь, ни с кем живешь. Слышал ли, кто твои родители? Не ведая, ты враг своим родным и близким и в смерти, и здесь на земле. Смертельным, вдвойне карающим, за мать и за отца, проклятием изгнан будешь из этой земли, в твоих глазах будет тьма». Мать-то тут вообще при чем? Она такая же жертва, как и Эдип. Кара придет и за мать! Весьма интересная логика — очень похоже на манипуляцию, осуществляемую через смешение понятий. Это говорит слепой Тиресий. Может, все прозаичней и он просто завидует Эдипу? Вспомним несвоевременно для Эдипа и так своевременно для Креонта и Тиресия погибшую жену-мать Эдипа Иокасту. Эта вполне адекватная женщина перед смертью заявила следующее: «Почему должен человек бояться, если случай (судьба — Тюхе) все для него и он ничего не может знать наперед? Лучше всего жить так легко, как возможно, не думая. Что же до ложа матери твоей — не страшись его. И раньше, бывало, во сне или в предсказании, многие мужчины спали со своей матерью. Но тот, для которого это все нипочем, тому легче нести бремя жизни». Женщина, образец здравого смысла, поступает совершенно неожиданно: даже не переговорив с сыном-мужем, кончает жизнь самоубийством. И он погружается в бездну отчаяния. Можно, конечно, привести аргумент о том, что человек умный не станет жертвой. Это, разумеется, так. Выходит, жертвами стали и Иокаста, и Эдип, причем действуют силы, качественно превосходящие их в интеллекте и в понимании реальности. Снова скрытый Коринф.

Обратим внимание на сроки. На странствия Эдипа уходит 20 лет — в угоду своей чуждости приносится в жертву и личное время. Причем снова не в варианте логических операций, а в системе полного уничтожения [11].

В ценностном плане для человека ключевой тезис — это идея собирания пространства. Пространство обживается, осваивается. Не победа над пространством, подчинение его, а как его усвоение себе, принятие в себя, вторичное породнение с ним. Изначально пространство разбросано, но через мир вещей и через человека оно собирается как

иерархизированная структура соподчиненных целому смыслов. Вместо гомогенного пространства воспроизводится представление о разнородном пространстве с разной ценностью различных его частей. Поэтому весьма часто описывается происхождение не только пространства в целом, но и отдельных его частей. Особого внимания заслуживают случаи, когда разные возникающие части пространства имеют единый источник происхождения, в частности когда им ставятся в соответствие разные части некоего единого другого образа. Есть не только общий источник Вселенной и ее пространства. Также выявляются конкретные ряды соответствий, благодаря которым элементы пространства получают свое значение. Без движения невозможно членение пространства на уже пройденное и еще не пройденное.

Чужой и в своей земле, чужой и в земле чужой. По сути, идет разворачивание темы пространства, если прожит эдипов комплекс, т. е. явления развернулись и заняли подобающее им место, или, другой случай, сжатие пространства (причем только в своих представлениях и домыслах), связанное со своей чуждостью (я везде замкнут только на себе). Везде стоит маркер «чужой», «чужое», «чужие», причем носитель маркера — сам индивид. Пространство не может развернуться в опыте индивида, так как определено как чужое. К чужому мы не имеем доступа, у чужого свои собственные законы и логические последовательности. Тогда необходимо логически признать абсолютную чуждость пространства и не лезть с его определениями исходя из системы собственных представлений, иными словами, занять позицию наблюдателя, не мешающего разворачиванию пространства. Одно уточнение: пространство уже развернуто в соответствии с присущими ему законами, оно свернуто только у чужака, который осуществляет тотальный контроль над пространством, оно сжимается до размеров представлений индивида о пространстве, будучи в реальности совершенно не сжатым. Эдип предает родное пространство Коринфа и пытается обрести родину в Фивах, оставаясь чужаком, отсюда и ненависть к Фивам. Они чужие, непонятные, живущие своей собственной жизнью, о которой Эдип не имеет ни малейшего представления. Он ничего не знает про жену, про детей, про моровую язву, про брата жены, про Лая. Или знает? Тогда он врет окружающим, пытаясь остаться хорошим, когда происходит его разоблачение. Смущает его гипертрофированная реакция. Он внутренне готов к воспри-

ятию вины, она у него не связана с ошибками, а сразу захватывает всего его.

Хотя источником информации, погубившей Эдипа, оказываются весьма подозрительные люди, преследующие свои цели и предельно ясно помнящие события по меньшей мере 38-летней давности, слова реального отца (царя Коринфа) и реальной матери (царицы Коринфа) ничего не значат, а ведь они оба заявили: «Ты наш сын». Больше значимостью для Эдипа обладают слова «товарища» с пира про подкидыша. Если мы предположим, что история про подкидыша правда, то в сухом остатке выходит следующее: Лай приказал повредить ноги младенцу и отнести его на склон горы, мать младенца Лаю в этом не препятствует, инициатива сохранения жизни младенца принадлежит пастуху из Фив, потом появляется еще один пастух из Коринфа (которому ничего не сказали о том, чей ребенок Эдип. Тот ли это вообще ребенок? Сроки и время весьма тяжело определять через 38 лет, общая черта — поврежденные ноги. Но Эдипу прокололи (читай: перерезали) сухожилия, т. е. ребенок инвалид. Однако он Эдип, потому что у него опухшие (!) ноги; есть другой перевод: толстые (sic!) ноги).

Происходит передача ребенка другому пастуху, но ребенок ли это Лая и Иокасты, знает только первый пастух. Обратим внимание, не доверенный слуга, не раб, не друг семьи, не специалист по разрешению сложных ситуаций, ведь речь идет о новорожденном царском сыне-первенце (крайне сложно не заметить, что царица беременна, это не Моисей, происходивший отнюдь не из царской семьи, про которого, что он подкидыш, и то знали многие, а наследник престола). Во дворце царя Фив появляется пастух, внезапно обремененный доверием, которому поручают предельно щекотливое задание.

Внезапную смерть Иокасты (тоже сраженной «чувством вины»), которая ничего не успевает объяснить и рассказать, внезапно повесившись в личной спальне, все однозначно истолковывают как самоубийство, но рассказа Иокасты нет. Она должна подтвердить личность пастуха, затем пастух должен доказать, что передал именно того ребенка и был ли вообще ребенок. Ничего не было сказано коринфскому пастуху о том, что Эдип — царский сын. Причем идет ссылка на древнюю традицию перевода. В древнегреческих словарях *Oιδίπους* и значит «Эдип», речи нет про опухшие ноги; если мы вспомним даже этимологические теории времен Платона, к этимологии они имеют весьма от-

даленное отношение, ключевыми понятиями были сходство и различие.

Мать гибнет, царь, муж, сын и отец выкалывает себе глаза, причем действия происходят одновременно, и потом Эдип всю жизнь ненавидит Фивы и своих сыновей. Нужно помнить, что проклятие, павшее на Фивы, было связано с убийством Эдипом Лая, а не с кровосмешением. Эдип вполне спокойно продолжает общаться со своими дочерьми.

У царя Коринфа были дети. Достаточно вспомнить его трех дочерей, самая известная из которых — Алкиноя, поэтому аргумент про бездетность не совсем функционален. Необходимо обратить внимание, что волю царя Коринфа учли при назначении его преемника, но выбор осуществлялся уполномоченными людьми и был в пользу Эдипа. Весьма похоже, что осуществлена целая манипулятивная операция по отмене решения царя и выборщиков. Простейший способ решения проблемы — удаление законного наследника. По всей вероятности, в Коринфе есть люди, которые помнят про подкидыша, а также о том, какое впечатление эта история произвела на Эдипа. Царя Коринфа нет в живых, чтобы подтвердить или опровергнуть историю про подкидыша, про царицу история умалчивает. Все слишком нарочито и мелодраматично, слишком рассчитано на публику, а не на реальных людей.

С другой стороны, мы можем отметить, что нарушается не порядок реального, а порядок символического, отношения родства оказываются сдвинутыми или вообще вымышленными, задачи, которые преследует Эдип в своих странствиях, тоже не совсем понятны, а точнее, совсем непонятны. То ли это игра расстроенного воображения, то ли следование за четко определенной целью. Л. Альтюссер говорит о театре, но о таком театре, который является не реальностью, не идеей, но чистым театром мест и положений [12; 13]. Ж. Делез делает вывод, что структурализм неотделим от нового материализма, нового атеизма и нового антигуманизма, так как место первично относительно того, кто его занимает [14]. Ключевое слово здесь — «новый», но это новое в системе прочтения оказывается старым, так как речь идет о повторяемости процесса в отношении места. Но Софокл и творит место, которое затем будет заполнено героями, место, которое заполняют король Лир, принц Гамлет, Макбет, Орест и т. д. В роще Эвменид, обращаясь к местным гражданам, Эдип произносит странную фразу: «Я пришел к вам освященным и благочестивым, и мое появление

будет счастливым для вас». И для фиванцев погребение Эдипа должно быть освящено, но при этом не должно находиться на их

земле. Идет смешение смыслов и символов, нарочитая усложненность которых начинает создавать новую структуру реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. — М. : Мысль, 1990. — Т. 1. — 830 с.
2. Тургенев И. С. Первая любовь // Полное собрание сочинений : в 30 т. / И. С. Тургенев. — М. : Наука, 1981. — Т. 6. — 495 с.
3. Достоевский Ф. М. Идиот // Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л. : Наука, 1973. — Т. 8. — 511 с.
4. Воронцова Е. Г. Исследование особенностей психологической готовности к профессиональной деятельности личности в образовательном пространстве вуза [Электронный ресурс] / Е. Г. Воронцова // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 3. — Режим доступа: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22230>. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).4.
5. Софокл. Трагедии / Софокл. — Калининград : Янтар. сказ, 2002. — 600 с.
6. Левченко И. В. Буддизм как система правил поведения [Электронный ресурс] / И. В. Левченко // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 3. — Режим доступа: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22245>. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).19.
7. Кыштымова Е. С. Мультипликационная презентация темы взросления и возрастные особенности ее восприятия [Электронный ресурс] / Е. С. Кыштымова, Е. Л. Трофимова // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 3. — Режим доступа: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22232>. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).6.
8. Зими́на Е. В. Социальная поддержка как фактор проявления иждивенчества среди трудовых мигрантов (на примере Иркутской области) [Электронный ресурс] / Е. В. Зими́на, Е. И. Нефедьева // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 3. — Режим доступа: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22228>. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).2.
9. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике / В. Н. Топоров. — М. : Языки славян. культуры, 2004. — Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. — 815 с.
10. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А. В. Лебедева. — М. : Наука, 1989. — Ч. 1 : От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. — 576 с.
11. Суходолов А. П. Иркутская область в фокусе анализа межрегиональной миграции [Электронный ресурс] / А. П. Суходолов, Т. Г. Озерникова, Н. В. Кузнецова // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 3. — Режим доступа: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22227>. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).1.
12. Althusser L. Lire Le Capital : 2 t. / L. Althusser. — Paris : Francois Maspero, 1965. — Т. 1. — 242 p.
13. Althusser L. Lire Le Capital : 2 t. / L. Althusser. — Paris : Francois Maspero, 1965. — Т. 2. — 226 p.
14. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки / Ж. Делез ; пер. с фр. Е. Г. Соколова. — СПб. : Алетейя, 1999. — 384 с.

REFERENCES

1. Nitsche F. The birth of tragedy, or Hellenism and pessimism. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. Vol. 1. 830 p. (In Russian).
2. Turgenev I. S. First Love. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, Nauka Publ., 1981. Vol. 6. 495 p. (In Russian).
3. Dostoevsky F. M. The Idiot. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. Vol. 8. 511 p. (In Russian).
4. Vorontsova E. G. Study of Peculiarities of Psychological Readiness for Professional Activity of Personalities in University Educational Space. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 3. Available at: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22230>. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).4. (In Russian).
5. Sofokl. *Tragedii* [Tragedies]. Kaliningrad, Yantarnyi skaz Publ., 2002. 600 p.
6. Levchenko I. V. Buddhism as a System of Behavioral Rules. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 3. Available at: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22245>. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).19. (In Russian).
7. Kyshtymova E. S., Trofimova E. L. Animated Presentation of Topic of Adulting and Age-Specific Features of Its Perception. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 3. Available at: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22232>. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).6. (In Russian).
8. Zimina E. V., Nefedyeva E. I. Social Support as a Factor of Manifestation of Dependence among Labor Immigrants (in Terms of Irkutsk Oblast). *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 3. Available at: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22228>. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).2. (In Russian).
9. Toporov V. N. *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies on etymology and semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. Vol. 1. 815 p.
10. Lebedev A. V. (ed.). *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of the early Greek philosophers]. Moscow, Nauka Publ., 1989. Pt. 1. 576 p.
11. Sukhodolov A. P., Ozernikova T. G., Kuznetsova N. V. Irkutsk Oblast in Focus of Inter-Regional Migration Analysis. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 3. Available at: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22227>. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).1. (In Russian).

12. Althusser L. *Lire Le Capital*. Paris, Francois Maspero, 1965. Vol. 1. 242 p.
13. Althusser L. *Lire Le Capital*. Paris, Francois Maspero, 1965. Vol. 2. 226 p.
14. Deleuze G. *Marsel Pproust et les Signes*. Paris, 1964. 558 p. (Russ. ed.: Deleuze G. *Marsel' Prust i znaki*. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ., 1999. 384 p.).

Информация об авторе

Атанов Андрей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, директор Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий, заведующий кафедрой философии и искусствознания, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: AtanovAA@bgu.ru.

Для цитирования

Атанов А. А. Проблематика своего и чужого, реальности и фантазий в трагедиях Софокла / А. А. Атанов // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 4. — С. 559–569. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(4).559-569.

Author

Andrei A. Atanov — D. Sc. in Philosophy, Professor, Director of the Institute of Culture, Social Communications and Information Technology, Head of the Department of Philosophy and Art Studies, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: AtanovAA@bgu.ru.

For Citation

Atanov A. A. Problem of the 'Self' and the 'Other', Reality and Fantasy in Sophocles' Tragedies. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 559–569. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(4).559-569. (In Russian).